

A photograph of two women standing side-by-side in a room with large windows. Both women are wearing black, strapless corsets with lace detailing and gold buckles. They are also wearing black lace thigh-high stockings and high-heeled shoes. The woman on the left has long, curly blonde hair, while the woman on the right has her dark hair styled in a bun. They are both looking towards the right of the frame.

Саша Вей

*Служебный приворот.
Пролог*

18+

Саша Вей

Служебный приворот. Пролог

<https://litres.ru/74059824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Громов прошел суровую школу ВДВ и считал, что готов к любым испытаниям. Но ни один инструктор не учил его воевать там, где оружием служит скользкий по обнаженной коже шелк, а полем боя становится собственное тело, изнывающее от невыносимой похоти.

Он просто искал работу механика, а попал в эпицентр древнего матриархата. За обшарпанным фасадом текстильной фабрики ООО «Шелк Ариадны» скрывается шабаш БДСМ ведьм.

Но чтобы выжить в этом храме изощренного порока и не стать вечной марионеткой в руках чужого наслаждения, ему придется найти точку опоры там, где заканчивается магия. Ведь когда против тебя древнее женское колдовство, спасти может только грубая механика, суровая пролетарская злость и моток синей изоленты в кармане спецовки.

Предисловие к взрывной эротической техно-фэнтези. Добро пожаловать на фабрику. Смена только начинается.

Саша Вей

Служебный приворот. Пролог

Пролог. Анатомия идеального капкана.

Истинное рабство начинается не с лязга железных цепей и не с удара плетью. Нас, в Рязанском училище ВДВ, учили выдерживать боль, холод, многодневный голод и допросы с пристрастием. Нас учили, что человеческая воля — это монолит, который можно разбить, только если сломать само тело.

Они лгали.

Настоящая, пугающая, абсолютная потеря свободы начинается с ослепительного, невыносимого наслаждения. С того самого момента, когда твоя собственная плоть предает разум, а инстинкт самосохранения тонет в густом, душном, розовом сиропе животной похоти. Ни один сержант-инструктор не рассказывал мне, как вести бой, когда оружие врага — это шелк, скользящий по обнаженной коже, а поле битвы — твое собственное, изнаывающее от возбуждения тело.

Я понял это три часа назад, в кабинете Эльвиры Эдуардовны.

Тогда я еще думал, что ООО «Шелк Ариадны» — это просто текстильная фабрика с забавными корпоративными при-

чудами. Я пришел на плановый инструктаж по технике безопасности.

Кабинет главы отдела кадров меньше всего походил на офис. Скорее, это был изысканный, декадентский будуар, залитый приглушенным светом торшеров. В воздухе висел тяжелый аромат дорогого сандала, жженого сахара и чего-то электрического, похожего на запах воздуха перед грозой. Мои тяжелые рабочие ботинки и грубые джинсы казались здесь нелепым, грязным пятном на фоне безупречных персидских ковров.

— Максим... — ее голос прозвучал как виолончель, затронувшая самые низкие, вибрирующие струны моего подсознания.

Эльвира Эдуардовна поднялась из-за стола. На ней была облегающая юбка-карандаш и тончайшая шелковая блузка жемчужного цвета, сквозь которую угадывались темные, напряженные соски. Она двигалась с грацией сытой, уверенной в себе хищницы.

— Ваша спецодежда еще не готова. Мне нужно снять с вас мерки, — промурлыкала она, подходя вплотную. От нее исходил жар. Не просто тепло человеческого тела, а пульсирующее, осязаемое излучение, от которого у меня мгновенно пересохло во рту.

— Для мерок есть портные, — попытался отшутиться я, но мой голос прозвучал предательски хрипло.

— У нас... индивидуальный подход к каждому мужчине,

— она улыбнулась, обнажив идеальные белые зубы.

В ее руках не было сантиметровой ленты. Только длинная, струящаяся лента алого шелка.

Она встала передо мной, оказавшись так близко, что я чувствовал тепло ее дыхания на своей шее. Ее длинные пальцы с безупречным карминовым маникюром скользнули по пуговицам моей рубашки. Я хотел отстраниться, сказать, что это нарушение субординации, но почему-то не смог пошевелиться. Воздух вокруг нас сгустился, превратившись в невидимый, обволакивающий кокон.

Эльвира распахнула мою рубашку, обнажив грудь. Ее прохладные пальцы коснулись моей кожи, скользнув по старому армейскому шраму на ключице.

От этого легкого, невесомого прикосновения меня ударило током. Разряд был не болевым — это была концентрированная, обжигающая вспышка чистого эротического электричества. Она прошила меня насквозь, от затылка до самого низа живота. Мои мышцы рефлекторно напряглись, дыхание сбилось.

— Какое напряжение... — прошептала Эльвира, обвивая алую шелковую ленту вокруг моего торса. Ткань обожгла спину неестественным жаром. — Вы все время воюете, Максим. Мужчины так устают быть сильными. Зачем вам этот стресс?

Она потянула за концы ленты, прижимаясь своей мягкой, тяжелой грудью к моему твердому прессу. Запах ее феро-

монов ударил мне в мозг. Это была магия. Вязкая, древняя, безошибочно бьющая в самую суть мужской физиологии.

Я почувствовал, как мое тело мгновенно и жестоко отзывается на ее близость. Эрекция была такой болезненной и мощной, что у меня потемнело в глазах.

— Выпейте кофе, мой сладкий мальчик, — проворковала она, свободной рукой беря со стола изящную фарфоровую чашку, над которой вился странный, чуть фиолетовый парок. — Это снимет блоки. Вы поймете, как приятно просто отдаться. Как сладостно больше ни за что не отвечать.

Она поднесла чашку к моим губам. Я сделал глоток, повинаясь ее властному, бархатному шепоту.

Горькая, пряная жидкость обожгла горло, и в ту же секунду мир вокруг меня начал растворяться в розовом, гипнотическом тумане. Внутри меня словно распустился тяжелый, ядовитый цветок. Тревога, гордость, инстинкт выживания — все это начало таять, уступая место одному-единственному, всепоглощающему желанию: упасть перед ней на колени. Зарыться лицом в ее юбку. Вылизывать ее идеальные туфли и умолять позволить мне остаться здесь навсегда, чинить ее станки и питаться лишь крохами ее благосклонного внимания.

Это было чудовищно. И это было самое прекрасное чувство, которое я когда-либо испытывал.

В зеркале напротив я увидел свое отражение. Здоровый, двадцатидвухлетний десантник, чьи глаза стремитель-

но стекленели, покрываясь влажной пеленой рабской покорности. Мои губы уже расплзались в той самой идиотской, блаженной улыбке счастливого раба.

В этот самый момент дверь кабинета приоткрылась. По коридору шел двухметровый грузчик Толик. Его могучий торс был перетянут розовыми лентами, а на лице блуждала та самая, пугающе-пустая улыбка абсолютного счастья. Он нес тяжеленные рулоны ткани, насвистывая попсовый мотивчик, и его глаза были мертвы. В них не было личности. Там была лишь функция.

Вид сломленного, кастрированного магией гиганта стал для моего мозга электрошоком.

Моя контузия, тот самый зарубцевавшийся участок нейронных связей после взрыва в учебке, внезапно дал сбой. Мозг не смог обработать одновременно наркотическую эйфорию приворота и животный, первобытный ужас перед потерей собственного «я». Возник диссонанс. Короткое замыкание реальности.

Я зарычал — не от страсти, а от паники.

Инстинкт воина заставил меня действовать быстрее, чем Эльвира успела затянуть шелковую удавку на моей воле. Я резко, с силой сомкнул челюсти, прокусив собственную щеку изнутри.

Острая, пронзительная физическая боль прорезала розовый туман. Вкус горячей, солоноватой крови во рту перебил сладость ее приворотного зелья. Это был мой спасательный

трос. Грубая физиология против утонченного колдовства.

Я рванулся назад, разрывая алую шелковую ленту на своей груди. Ткань лопнула с сухим треском. Моя рука отмахнулась, выбив фарфоровую чашку из пальцев Эльвиры. Кофе с шипением брызнул на персидский ковер, проедавая в нем дыры, словно кислота.

— Что ты делаешь, дурак?! — ее лицо, секунду назад бывшее ликом богини любви, исказилось демонической, хищной злобой. Иллюзия спала. Глаза ведьмы вспыхнули черным, непроницаемым огнем.

Я не стал отвечать. Я вылетел из кабинета, едва не снеся дверь с петель, и рванул по коридорам фабрики.

Мое тело все еще пылало от нереализованного вожделе-ния, сердце колотилось в горле, а в венах бурлила дикая смесь адреналина и магического яда. Я понял, куда я попал. Это не было местом работы. Это была плантация, где выращивали рабов, а в качестве удобрения использовали их собственную похоть. И они не собирались отпускать меня просто так. Я был свежим мясом, деликатесом, который только что сорвался с их вилки.

Я забежал в технический сектор, схватил из ящика свой тяжелый разводной ключ, моток проволоки, заперся на темном складе женского белья и притаился. Я слышал, как по фабрике разносится тревожный, вибрирующий женский шепот. Они начали охоту. Охоту на единственного самца, посмевшегося отказаться от их райского ошейника.

Я должен был выбраться отсюда. Но у меня не было ни копейки денег, и если я сбегу, мне негде будет жить. Значит, мне придется сломать этот матриархат изнутри.

И вот я здесь. В самом сердце их розового лабиринта.

Стук шпилек по советскому кафелю звучал точь-в-точь как одиночные выстрелы из снайперской винтовки Драгунова. Цок. Цок. Цок. Равномерно, неотвратно и пугающе близко...

Тяжелая дверь браковочного архива закрылась с глухим, обреченным звуком, отрезая Макса от коридора, но не от преследования. Он стоял в абсолютной темноте, прижавшись спиной к прохладной бетонной стене. Вода, стекающая по его обнаженному телу, собиралась каплями на ключицах и рельефных мышцах живота, чтобы тяжелыми, холодными слезами упасть на пыльный пол.

Воздух здесь был иным. Густым, почти осязаемым, насыщенным ароматом пыльной ванили, старого дерева и чего-то неуловимо пряного, напоминающего запах женщины после долгого сна. Вокруг него, подобно спящим левиафанам, возвышались рулоны отбракованного шелка.

Макс тяжело дышал, пытаясь унять колотящееся сердце. Но его тело жило своей собственной, предательской жизнью. Остатки магического эликсира, который он глотнул в кабинете Эльвиры, все еще тлели в крови, разжигая изнутри темный, липкий пожар. Его мышцы, закаленные марш-бросками и армейской муштрой, сейчас предательски дрожали не

от холода, а от невыносимого, пульсирующего возбуждения. Разум кричал о необходимости найти одежду, оружие, выход, но плоть требовала лишь одного — вернуться туда, где пахло ее духами.

И тогда пространство архива изменилось.

Это произошло беззвучно. Просто тяжелый запах ванили внезапно раскололся, уступив место волне аромата дорогих орхидей, озона и влажного мускуса. Темнота в дальнем конце зала начала светиться мягким, пульсирующим неоноворозовым светом.

— Ты думал, что здесь, среди мертвой ткани, ты сможешь спрятаться от своей собственной природы, Максим?

Голос Эльвиры Эдуардовны не долетел из коридора. Он прозвучал прямо внутри его головы, вибрируя на тех частотах, которые заставили его колени подогнуться.

Из розового полумрака она выплыла, словно богиня, сошедшая с античного барельефа. Ее строгий костюм-карандаш был расстегнут, обнажая безупречную грудь, на которой перламутровым светом мерцали капли. В ее глазах не было гнева. Там плескалось темное, бездонное море триумфа и изощренного, садистского желания.

Макс попытался оттолкнуться от стены, сжать кулаки, вспомнить устав. Но воздух вокруг него внезапно стал плотным, как вода. Рулоны шелка, окружавшие его, зашевелились. Длинные, скользящие ленты алой и черной ткани, повинувшись безмолвной воле ведьмы, потянулись к нему, словно

живые щупальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.